

**Борис
ВАСИЛЕВСКИЙ**

КОГДА ОГУРЕЦ ПАХНЕТ КОРЮШКОЙ

Эта фотография, случайно сохранившаяся у меня, – довольно старая, сделана примерно в середине прошлого века. Может, чуть раньше. Из тех, что называют «любительскими». Нижний левый угол кем-то оторван. Лица людей... то ли сразу сняты были нечётко, то ли потускнели, как говорится, от времени. Но кое-кого я всё-таки могу узнать, понятно также, в связи с чем они собрались...

Здесь знаменитые уэленские... кстати сказать, что сам я, бывший учитель русского языка, никогда не воспринимал и до сих пор не воспринимаю вот этого слова: «косторез». Звучит брутально, как «костопрэв», «костолом»... Хотя во всех нынешних орфографических словарях именно так и найдёте: «косторез». Но это – даже против правил. Известно: в сложных словах после мягкой согласной употребляется соединительная «е». «Кость», мягкое «т», значит, «костерез». Мастер резьбы по кости. Художник... В Уэлене, помню, все так и произносили. А дом, где собирались и работали косторезы, звался «костерезкой»... Откуда в языке взялось вот это, впоследствии «узаконенное» написание через «о»? – теперь, видимо, так и не узнать...

И ещё одно примечание... В детстве, едва обучился складывать буквы, я принялся читать всё, что подвернётся. И про kota учёного, который днём и ночью... и крокодила, который наше солнце проглотил, и т.п., а ещё среди этого раннего чтения мелькали, например, «Порт-Артур», «Угрюм-река», «Сага о Форсайтах», «50 лет в строю»... Авторов я не запоминал, они меня в то время не интересовали, но эти книги тогда читали взрослые, читал и я... Не представляю, как оказалась в нашем доме книга об искусстве северной резьбы по кости –

родители, простые московские совслужащие, были от всего этого: и от художественной резьбы, и от Севера – далеки, но я её тоже, наверное, прочёл, а более всего мне нравилось разглядывать помещённые там фотографии: фигурки оленей, белых медведей, тюленей, моржей... Эти скульптурки, матово светящиеся на чёрном фоне, заставляли воображать страшно далёкую жизнь, где-то на Крайнем Севере, и белый цвет костяных фигурок связывался с вечными снегами, а сплошной чёрный фон – с вечно царящей над теми снегами полярной ночью... Непривычно для уха звучали имена мастеров, создавших эти фигурки: Уквутагин, Аромке, Нонно, Анкауге... И как-то странно мне до сих пор, что десятка через полтора лет я вдруг очутился за двенадцать тысяч км от своей Пресни, и именно в Уэлене, в том чукотском посёлке, где действительно жили *косторезы*, и узнал многих из этих художников, увидел воочию их работы, и сам стал жить среди вечных снегов и полярной ночи, и увидел настоящих оленей, медведей и моржей...

Конечно, можно было бы предположить, что тогда, в раннем детстве это был мне как бы «знак», но в таком случае пришлось бы подыски-

вать «знаки» и для многих других моих, мне самому непонятных поступков... нет! пусть это останется простым совпадением... Книжка та давно затерялась, но впоследствии, много лет спустя, я нашёл её в Ленинке и узнал. «Северная резная кость (Холмогоры, Тобольск, Чукотия)» М., 1947. Автор – В.М. Василенко... Приятно было снова держать её в руках, и снова узнавать, что Чукотка звалась по-старомодному Чукотией, и вспоминать, что Уэлен, как и на старых наших географических картах, писался «Уэллен», и главное, что традиционное это северное искусство называлось, как я и предполагал, *костерезным*, а сами мастера – *костерезами* или просто резчиками...

Не удивляли и некоторые из тогдашних работ. В разделе «Холмогоры», среди ажурных затейливых шкатулок, ларцов, табакерок, попадался вдруг «Рельефный портрет И.В. Сталина». В центре костяной пластины сам вождь – как положено, с трубочкой, по бокам сцены из нашей кипучей жизни: дымящиеся трубы заводов, самолёты, парашютисты и т.п., вверху – герб Советского Союза. Внизу – двоянная подпись: И.В. Сталин-I.W. Stalin. Изделие М.Христофорова, 1937 г... Не отставали и тобольцы (или

Борис Василевский. Уэлен. 1966

тоболяне? тоболяки?). Вот многонаселённая композиция: возле чума люди, олени, собаки – и все они окружили и слушают человека в будёновке и с бумагой в руке. Называлось: «Чтение сталинской конституции в остяцком колхозе». Мастер В.Н. Лопатин. Год тот же, 1937-й. Что там, в 37-м, было у Сталина? Вроде бы никакого ещё юбилея... Начало массового поклонения?.. (В более поздней книге: А.Валов «Тобольская резная кость», Свердловск, 1987 – эта работа Лопатина тоже воспроизведена, но уже под названием «Изучение Конституции СССР в ненецком колхозе»)... В Чукотии имелся свой талантливый мастер Вуквол (род. в 1914 г., погиб в 1942-м, под Ленинградом), его вдохновил образ В.И. Ленина. Точнее, якобы живущая среди чукчей легенда о Ленине. «...В это время на небе загорелись сполохи, и услышали чукчи голос сильного человека из Москвы. Этого человека звали Ленин: «Не слушайте шаманов и богачей. Они хотят, чтобы вы всегда, как и до сих пор, работали на них...» В 1939 году Вуквол создал гравированный клык по мотивам этой легенды. Хранится (хранился, по крайней мере) в Цент-

ральном музее В.И. Ленина... В любимой книге моего детства про эту работу Вуквола не упоминается, но во многих последующих исследованиях – в частности, Т.Митлянской «Художники Чукотки», М., 1976 – рассказывается о ней обязательно...

Не следует однако, исходя из этих работ, думать сейчас о тогдашних северных художниках, что были они карьеристами, завзятыми конъюнктурщиками и т.п. Я, например, склонен считать, что этих мастеров, имевших всегда дело с традиционными сюжетами, интересовали прежде всего новые возможности, которые можно было извлечь из привычного материала, т.е. из бивня мамонта, из моржового клыка... К тому же ряду, что и работы о Ленине и Сталине, можно отнести и появившиеся в те годы во множестве стаканы для карандашей, ножи для разрезания бумаги, шпильки, заколки, браслеты и т.д. Предметы для быта и культуры чукчей в общем-то несвойственные... Но вот и проф. В.М. Василенко, кстати, полагал, что «мастера в скульптуре привлекает прежде всего самый материал, его пластические свойства» («Северная резная кость», стр. 45)...

Итак, на имеющейся у меня фотографии: уэленские костерезы собрались вокруг стола, на котором выставили свои поделки. Вдали можно угадать фигурки оленя, белого медведя... Ещё всякие мелкие неразличимые скульптурки... На первом плане чукча на нартах, запряжённых четырьмя собаками. В центре – фигура в военной фуражке, в долгополой шинели. Лица не разобрать. Может быть, Сталин, а может, просто пограничник. На крайнем нашем северо-востоке граница долго не охранялась, лишь, кажется, только после войны

решили поставить там погранзаставы, в том числе и в Уэлене, так что в конце 40-х чукчи уже могли иметь представление о пограничниках... А увенчивала, возвышалась над всей этой выставкой большая овальная костяная рама. Её по краям тоже украшали резные фигурки, из крупных видны белый медведь, морж. Трудно сказать, для чего могла предназначаться такая несуразная рама – для зеркала? для портрета?..

Меня на этой фотографии больше привлекают люди. Помещение, видно, тесное, сбились компактно, по обеим сторонам стола. Иных я застал в 60-х годах, об иных только слышал. Слева впереди Вячеслав Михайлович Леонтьев. Сам он не костерез, но человек заслуженный, авторитетный. Бывший партизан, участник Гражданской войны на Дальнем Востоке. В Уэлен приехал в середине 30-х, занимался «кооператом», кооперацией. Поэтому естественно, что, когда уэленские и другие, разбросанные по окрестным селениям резчики в 1945 году объединились в промкомбинат, В.М. Леонтьева сделали его директором... Густые светлые усы, очки, открытое лицо, доброжелательный взгляд. «Энтузиаст, человек большой души В.М. Леонтьев, ныне покойный, чья память не изгладится из сердец всех тех, кто знал его», – так проникновенно написала о нём магаданский искусствовед Л.Е. Тимашева... Самого Леонтьева я не застал, но с сыном его, писателем и ученым, Владиленом Вячеславовичем Леонтьевым (1928–1988), был знаком, читал его книги, рад бывал нашим, хотя и редким встречам...

Владилен попал в Уэлен семилетним мальчиком, вместе с отцом, и кто бы мог тогда предсказать, что чукотский Север делается для Владилена настоящей родиной, чукчи станут фактически земляками, и вся его дальнейшая жизнь и труды будут связаны именно с

Чукоткой... Он здесь рос, учился в школе, работал, освоил в совершенстве язык, обычаи. Его называли «русским чукчей»... После ленинградского пединститута им. А. Герцена вернулся снова в свой Уэлен, снова в школу, был директором. Накопившиеся за это время сведения о жизни, быте и культуре чукчей надо было как-то систематизировать, обобщать. Владилен Вячеславович в 1956-м переехал в Магадан, стал работать в Северо-Восточном комплексном НИИ. Собирали материалы для будущей книги «Хозяйство и культура народов Чукотки» (она выйдет в 1973 году), попутно писал единственный свой роман «Антымавле – торговый человек» (Магадан, 1965). Самого автора в романе как бы нет, там всё идёт через главного героя, чукчу Антымавле, но написан и начальник кооператива, «приезжий русилин» Глебов. Прообразом «однорукого» Глебова несомненно был отец Леонтьева, Вячеслав Михайлович. «В памяти Глебова возникали боевые походы по якутской тайге в красногвардейском отряде Родзинского в восемнадцатом, камера смертников в белогвардейской тюрьме, знаменитые переходы в пятидесятиградусный мороз с отрядом легендарного Каландарашвили в двадцатом, ликвидация пепеляевско-коробейниковской банды, ранение, госпиталь, ампутация правой руки...» На фотографии, которую я разглядываю, плохо видно эту искалеченную руку, но хорошо видно, с какой осторожностью поддерживает Леонтьева сидящий сзади чукча...

«Сидящий-сзади-чукча» – это Гоном (1925–1991), мой уэленский сосед, домик его стоял неподалёку от нашего учительского дома, на противоположной стороне улицы. Работал в колхозе, охотился. Запомнилось, что у него было очень много... даже не скажу, сколько детей, и все – в отца, вылитые Гономы, «гономчи-

ки», как я их называл. Но у меня ещё не учились, по малости лет. (Впоследствии все сделались костерезами)... Он часто заглядывал ко мне, по соседски, приносил печень свежедобытой нерпы, мы беседовали. Мужик он был весёлый, в разговоре подмигивал то и дело, в основном моей жене. Однажды я сделал вид, что рассердился. «Ты что ей всё подмигиваешь?!» – сказал я. «Нет. Я уж своей напомигал!» – комически-грустно ответил Гоном. Я восхитился. В бытность в университете я пару раз ездил в Архангельскую область с диалектологической экспедицией, записывал наш старый говор. «Ты понимаешь, какое у него чутье к русскому языку! – сказал я жене. – Ведь это даже не всякие, ведь это только архангельские наши бабушки способны были на такое словообразование: *наподмигивал!*...»

Он был вообще разносторонне талантлив. Я ни разу не видел его на репетициях нашего уэленского танцевального ансамбля, но в торжественных концертах Гоном обязательно участвовал. Когда объявляли название танца – «Петренко делает посадку», в клубе заметно оживлялись. Все знали, что сейчас будет выступать Гоном, что это его танец... В своём старом рассказе «Человек с предела земли» я уже описал это выступление, не вижу смысла будто бы заново пересказывать его. «Гоном и вправду чувствует себя в полёте. Он высматривает путь впереди, он широко разбрасывает руки, кричит, заходит, накренья, над посёлком, и садится, поднимая лыжами тучу снега... Петренко давно уже на пенсии, уехал с Севера, но танец о нём остался. Сейчас здесь летает его ученик Комков, и иногда, в знак уважения и к его мастерству, Гоном исполняет танец в его честь – «Комков делает посадку»... Теперь «Аннушка», как называли мы Ан-2, этот маленький самолётик, с незапамятных времён верно и бе-

зотказно служивший Северу, по слухам, там уже почему-то не летает, теперь там только вертолёт, и я не представляю, как Гоном, «широко разбрасывая руки», сумел бы изобразить вертолёт, и не знаю, сохранился ли в памяти уэленцев его танец...

А о его увлечении резьбой по кости – вообще не слышал. Не видел его изделий и не встречал потом упоминания о нём ни в одной из работ наших искусствоведов. Но, возможно, приобщение Гонома к костерезному делу было мимолётным. Это не делалось для него единственным занятием на всю оставшуюся жизнь. В прежние времена у чукчей и эскимосов это вообще не считалось – ни чьей-то исключительной специальностью, ни даже искусством. Вырезать по кости, как и танцевать, могли все, и это передавалось от поколения к поколению. Например, Нутетегин (1907–1970), «классик чукотско-эскимосского танца», когда-то, оказывается, занимался и костью. В книге «Памятники истории и культуры Магаданской области» (Магадан, 1977) я впоследствии нашёл фотографию пеликена, изготовленного Нутетеиным... У аляскинских эскимосов человек, не умеющий резать по кости, назывался... не запомнил, к сожалению, этого слова, но хорошо помню, что в переводе оно означало: «Тот, у которого не было отца». То есть не было, у кого научиться... На фотографии уэленских костерезов Гоном молод, не обременён ещё, видимо, своей будущей многочисленной семьёй. Затаялось в посёлке новое дело, ему интересно, захотелось попробовать...

Из-за Гонома выглядывает ещё один «русилин». Кто это мог быть?.. С первоначальной деятельностью костерезки связаны были имена двух наших русских художников и искусствоведов, А.Л. Горбункова и И.П. Лаврова, которые приезжали, подолгу жили и работали в Уэлене, изучали

национальное искусство чукчей и эскимосов, старались способствовать дальнейшему его развитию. В той степени, конечно, как они представляли себе это «дальнейшее развитие»... Но деятельность А.Л. Горбункова на Чукотке относится к началу 30-х годов, тогда там ещё не было В.М. Леонтьева... К сожалению, мне не удалось узнать, когда отошёл от дел, умер и где похоронен В.М. Леонтьев (очень может быть, что на уэленской косе, за посёлком, где было т.н. «русское кладбище»), но известно, что И.П. Лавров стал директором костерезки в середине 50-х, т.е. уже после В.М. Леонтьева... С Игорем Петровичем я даже был знаком: вернувшись с Севера, он поселился под Москвой, в Загорянке, я пару раз навещал его. Он демонстрировал кое-что из обширной, собранной им на Чукотке коллекции. Многочисленные изделия костерезов, разнообразными предметами обихода. «В коллекции И.П. Лаврова хранится нож из кости, украшенный рисунками Онно», – как пишет Т.Митлянская. «Коо», – как говорят чукчи. Не знаю. Может быть. Ножа не видел. Но запомнил размеры внутренних размеров моржовый *os penis*. Многие из нас, приезжих, возвращаясь на материк, захватывали с собой на память это чудо природы, имелся он и у меня, я даже сумел описать его в одном из своих рассказов. «Увесистая костяная дубина длиной никак не меньше семидесяти сантиметров...» И т.д. И впоследствии, в очерке «Коктейль у президента»: «А это – он самый. Моржовый хуй. Эвфемизмы здесь неуместны!» – сказал я» (журнал «Дружба народов», № 12, 1998). Действительно: неуместны... Но экземпляр, хранившийся у Лаврова, был уникален: вдвое длиннее и соответственно толще. Принадлежал, наверное, какому-нибудь праморжу... И весь был испещрён рисунками. Игорь Петрович рассказал, что в бытность в Уэлене попросил кого-то из

костерезов – кажется, он называл того же гравёра Онно – изобразить всевозможные существовавшие у чукчей разновидности охоты. В прежние времена, в наши дни, в тундре, на море... Рисунки были выполнены в старом стиле: силуэты людей и зверей только в строгом чёрном варианте, без последующей цветной раскраски... Получился как бы удвоенный шедевр: к тому, что создала сама природа, добавилось ещё то, что было сделано человеком, мастером... Лавров жил долго, умер где-то в 90-х. Хотел бы я знать, где теперь тот самый *os penis*?..

Возвращаясь к нашей фотографии: очевидно, что сидящий за Гономом русский – это не Горбунков. И не Лавров. Но кто? – узнать уже не у кого. Допускаю даже, что просто кто-то из русских, живших в то время в Уэлене. Посёлок крохотный, все друг друга знали. Заглянул в костерезку, там как раз собрались сфотографироваться, вот и запечатлелся вместе со всеми...

За ним – молодая чукчанка в платке, единственная женщина в той группе. Это *Вера Эмкуль*, родилась в 1919. Дочь Аромке, морского охотника и резчика, одного из основателей Уэленской мастерской. Искусству резьбы училась у отца. «Творчество чукотских женщин в области гравировки по кости – явление характерное для советской действительности. В прошлом уделом чукотской и эскимосской женщины было шитьё меховой одежды, уход за детьми. Теперь наравне с мужчиной женщины взяли в руки вагыльхын и рифель и смогли показать свои способности в гравировке», – как написано было в одной из искусствоведческих работ... Вспомнил: в моем детстве была ещё одна книга, которую я читал, – «Ниссо», автора опять же не помню, там про девушку из Средней Азии, которая первой отважилась снять паранджу, пошла учиться и т.д. По-

лучается, что и Эмкуль для своего времени была вот такой отважной девушкой... Попозже к ней начали присоединяться другие гравировщицы: Энмина, Натауквуна, Надя Краснова. Ещё позже – Галина Тынатваль и художница, чьё творчество мне особенно нравилось, Елена Янку... Большинство из них я застал в 64-м, когда впервые приехал в Уэлен – я любил приходить в костерезку, смотрел, как они работают в выделенной им комнатухе... Многие из них уже были членами Союза художников СССР, некоторые даже «заслуженными», участвовали в выставках, являлись лауреатами различных премий, распечатанные ими моржовые клыки хранились во многих музеях страны и даже мира. Но ничего «богемного» ни в их образе жизни, ни в одежде не наблюдалось – обычные женщины из берегового чукотского посёлка, и носили они тогда все одинаковые, убогие «мощейторговские» пальто удручающего синего цвета с дешёвыми цигейковыми воротниками...

Позади Веры Эмкуль – не известный мне чукча, знаю только, что звали его *Лякляк*. Имя его сообщила бывшая недавно в Москве Лида Тютютина. Родился в 1905-м, умер в конце 1950-х. В уэленской костерезной мастерской работал в конце 40-х, любил вырезать фигурки оленей. Других подробностей о нём, к сожалению, у меня нет...

Последним в этом ряду слева, у самой стены, сидит *Гемауге* (родился в Уэлене в 1892 году). Чукча. По привычке хотел написать «старик Гемауге», но здесь он далеко ещё не старик. Благообразного, даже интеллигентного, я бы сказал, вида. В очках... Когда в Уэлене в 20-е годы впервые появился магазин, его заведующим стал Гемауге. Магазин назывался тогда факторией. (Чукотский так называется и до сих пор. Моя жена – она в уэленской школе преподавала английский язык – рассказывала про своих пятиклассни-

ков, что, когда дошли до слова *factory*, дети стали ворчать, что это их, чукотское слово, англичане его у них украли. Та же история случилась с английским словом *money*. Оно произошло от чукотского *манэман*, деньги...)

А про молодые годы Гемауге вообще рассказывались легенды. Говорили, что он славился как самый сильный человек на побережье. В ежегодных соревнованиях, которые так любили устраивать чукчи, Гемауге всегда был первым в беге, в поднятии тяжестей. Уверяли, что в единоборстве победил даже Алитета, того самого, который потом (по Т.Сёмушкину) подался в горы... Когда в июле 1920 года известный полярный исследователь Амундсен на своей шхуне «Мод», пройдя вдоль всего северного побережья Азии, остановился в море напротив Уэлена, говорили, что имен-

Для инкрустации применялся китовый ус...

В УКМ, уэленской костерезной мастерской, Гемауге официально с 1946 года. Но в самой мастерской он появлялся редко, трудиться предпочитал у себя дома. У него там имелся даже свой небольшой токарный станок, с его помощью Гемауге и вытачивал всякие миниатюрные детали для своих шхун... Одна из таких шхун когда-то хранилась в художественном фонде УКМ. Как образец... Прочие – в различных музеях, например в Музее Арктики и Антарктики в Ленинграде, в Музее народного искусства в Москве и т.д. Что до меня, то я, признаться, никогда не соотносил работы Гемауге с «искусством», тем более с «народным» – но это был пример высокоточного, высококлассного ремесленничества. Действительно: старания, прилежания каждое такое изделие

В последний раз мне удалось побывать в Уэлене в 1978 году. Никого из старых костерезов давно не было на свете, но Гемауге оказался ещё жив, ему исполнилось 86. По чукотским понятиям, пример какого-то сверхдолголетия. (Ещё Тан-Богораз замечал, что «настоящих стариков среди приморских чукоч не очень много»...) Я заходил к нему, он уже плохо видел, плохо слышал. Конечно же, не работал. Умер в 1981-м... Но имя его из костерезного дела не исчезло. Его дочь Майя Гемауге освоила профессию гравёра. А у неё уже начинала учиться внучка Гемауге Зоя...

Справа, с другой стороны стола, у стены, – *Вуквутагин* (1898–1968). Чукча, жил в Уэлене. Охотник, костерез. Его имя упоминалось уже в книге В.Василенко. «Уквутагин» – это и есть Вуквутагин... Приходя в костерезку, я видел его работы за стёклами шкафов, среди образцов «худфонда». Повернувшись к столам, где трудились резчики, видел и его самого. «У него настоящий облик очень старого человека Севера, лицо его сплошь покрыто сеткой глубоких и тонких морщин – так бывает изрезан во всех направлениях большими и малыми трещинами морской лёд...» Он любил вырезать исключительно фигуры зверей. «Казалось бы, что может быть красивого в нерпе, у которой круглое тело да торчащие лапы! Кость в руках Вуквутагина оживает. Он в скульптуре умел передать испуг нерпы, её любопытство», – написал об этом мастере В.В. Леонтьев. (В.Леонтьев «Юному костерезу», Магадан, 1959). «Вуквутагин умел передать скупыми средствами величавую неподвижность, массивность и весомость лежащего на льдине моржа или тюленя», – говорилось в другой работе. Он был действительно мастер. И ещё он был по природе воспитатель, учитель. С 1931 года Вуквутагин – художественный руководитель уэленской

Гемауге со своей очередной шхунной

но Гемауге вызвался быть проводником Амундсена по Северо-Восточному проходу, т.е. по Берингову проливу... Может быть, после этой поездки любимым занятием Гемауге сделалось изготовление моделей парусников. Использовалась для этого всё та же кость моржового клыка, даже тонкие, просвечивающие, как бумага, паруса – тоже были выточены из кости.

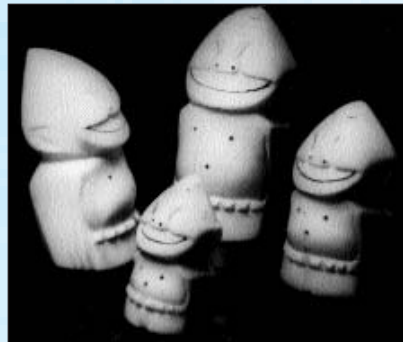
требовало много. И стоило недорого, даже по тем временам. Когда в 70-х годах В.А. Ивакин покидал свой пост первого секретаря Чукотского райкома партии и переводился в Магадан, его товарищи по партии скинулись и всё-таки сумели преподнести Валентину Алфеевичу в подарок парусник Гемауге. Чтобы «напоминал о море, о свежем ветре»...

мастерской, наставник молодых. В те же 30-е годы вел занятия резьбой по кости в уэленской школе. У него училась его дочь, Галина Тынатваль... Участник всех крупных выставок декоративно-прикладного искусства, в том числе выставки в Государственной Третьяковской галерее. В 1950-м награждён был орденом Ленина, с 61-го – заслуженный художник РСФСР... А на фотографии он почти неприметен, притулился у стены, позади всех...

...Вспоминая те первые послевоенные годы, В.В. Леонтьев пишет: «В комбинате тогда работали талантливые мастера-косторезы: Итчель, Куннукай, Кейнытегин, Танат, Теютин, Сейгутегин...» Я смотрю: четверо из перечисленных Леонтьевым – как раз на фотографии, рядом. Впереди Вуквутагина мощная фигура в белой охотничьей камлейке – это *Сейгутегин* (1913–1987). Чукча. Учился, как и многие, у Вуквутагина. Расцвет его творчества приходится на 40–50-е годы. В костерезке я этого художника не застал, но хорошо знал его сына, Ивана Сейгутегина (род. в 1939 г.). Костерезное дело постигал у отца и у Вуквутагина. Самостоятельно начал работать рано, лет с пятнадцати. Особенно удавались ему сюжеты, связанные с оленями. Оленья упряжка, важенка с оленёнком, бой быков, волк и олень... Член Союза художников СССР, заслуженный художник РСФСР...

Перед Сейгутегиним-отцом стоит *Итчель* (1898–1956). Чукча. Коротко стриженный, в свитере. Характерное лицо – я его никогда не видел, но сразу узнал: это Итчель! Узнал благодаря дочери: в школе у меня училась его дочь, Оля Итчель, – фамильное сходство здесь несомненное... Кстати, заодно можно предположить, откуда у меня эта фотография. Когда наступали каникулы, мы, учителя, начинали собирать раскиданные по школе учебники, вот из какого-то учебника

она, наверное, и выпала. Я её подобрал, не особенно тогда разглядывая, просто чтоб не затерялась, потом забыл о ней... На обороте надпись, сделанная толстым синим карандашом: «На память Ольге от папы». А Итчель, будучи гравёром, любил насыщенные цвета, в том числе и синий. Обычные сюжеты – морская охота, прибытие пароходов... Путём вот таких несложных сопоставлений можно теперь установить, кому принадлежала фотография... В.В. Леонтьев называл Итчеля «знатоком фольклора», «выразителем старых традиций». Итчель работал в УКМ как раз в 40-х годах. Он умер, когда дочери было лет

*Пеликены
Жиригтана*

шесть. У меня Оля училась в 7–8 классах. Девочка была способная, после школы поступила в Анадырское педучилище, сама стала учительницей. Дальнейшей её судьбы, к сожалению, не знаю. Может быть, уехала в какой-нибудь отдалённый посёлок...

Ещё ближе к нам сидит *Теютин* (1920–1987). Чукча. Самого его не помню, но помню его детей, Виктора Теютина (род. в 1940-м) и Лиду Теютину (род. в 1945-м), они в 60-х уже работали в УКМ. Виктор – резчиком, Лида – гравёром. А мать их – на фотографии с левой стороны, Вера Эмкуль...

И наконец, самый первый

справа, стриженный наголо, – *Танат* (род. в 1911 г.). Чукча. Тоже, как и Гоном, – мой сосед. Мои окна выходили на его дом, и, проверяя за своим столом ученические тетради, я мог видеть, как он рубит копальхен, чтоб покормить собак, или что-то ещё делает по хозяйству, или просто подолгу сидит на крыльце, глядя на море... Но та же история, что с Гономом: прожив в Уэлене несколько лет, я так и не узнал, что Танат был когда-то костерезом, мало того, считался одним из талантливых, ведущих мастеров. И лишь впоследствии, уехав с Чукотки и принявшись читать о ней всё подряд и, главное, об Уэлене, я в работах искусствоведов стал наталкиваться на упоминание имени своего бывшего соседа...

Но отчего он оставил костерезное дело? Видимо, из-за болезни. Ведь при работе с костью образовывалась мельчайшая костяная пыль, особенно её стало много, когда мастера с середины 50-х начали использовать «механизацию»: фрезы, циркулярки, бормашины... – да, обыкновенные, какие бывают у зубных врачей, бормашины – при костерезке даже устроена была специальная вытяжка, и, проходя мимо мастерской, можно было отчётливо ощутить характерный запах подожжённой кости... (Я мог бы, пользуясь случаем, много сказать неместного в адрес «механизации труда резчиков», но... так мы уйдём далеко от нашей фотографии)... А у Таната открылся туберкулёз, он регулярно ездил в тубдиспансер при райцентре, и скорее всего, врачи не рекомендовали ему заниматься резьбой... Думаю, что было так... Он умер где-то в конце 60-х. А на фотографии он ещё, чувствуете, бодр, энергичен, полон сил. У меня сохранилась ещё

Танат

одна его фотография: Танат только что вернулся с удачной охоты, он в нерпичьих штанах, в коротких торбах, у ног его лежит распластавшаяся на спине добытая нерпа...

Вот коротко о тех, кто запечатлён на фотографии... Конечно, здесь далеко не все резчики того далёкого времени, их на самом деле было гораздо больше. Ещё в 30-е годы А.Горбунков писал об открывшихся в Уэлене курсах костерезов: «Общее количество курсантов достигало 70 человек»... Нет здесь Кейнитегина, Кулиля, Ренвиля, Вальтыргина, Куннукая, о которых я мог только слышать... И тех, которых знал непосредственно: Хухугана, Туккая, Емрыкаина... Все они в описываемый период уже работали в УКМ, трудно теперь судить, почему их не оказалось на историческом снимке...

Нет и эскимоса Жиринтана (1908–1968), морского охотника и тоже мастера резьбы на моржовых клыках. Но вот его и не могло тут быть. Он в то время проживал по соседству с Уэленом, в своём Наукане, затем, в 58-м, после очередного, предпринятого властями мероприятия «по дальнейшему улучшению...» вынужден был переселиться в Нуямо... Но это уже не относится к истории костерезного дела, это скорее исто-

рия самого Наукана, драматическая судьба его племени. Начало его конца... Помню удивительную выставку современной скульптуры канадских эскимосов у нас в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, в 1972 году. Там было много прекрасных скульптурных работ (из мягкого камня, моржового клыка, оленьего рога, китового позвонка), каждая со своей идеей, философией, с оригинальным эстетическим решением, но одна композиция меня особенно поразила. В лодчонке под бедным кожаным парусом вплотную друг к другу набились люди, все глядят вперёд, на их лицах надежда, ожидание, смятение, робость, страх неизвестности... Называлось – «Переселение»... Я тогда записал себе имя автора, канадского эскимоса – Талирунили Джо (родился в 1899 году). И часто представлял себе потом эту работу, потому что она связывалась у меня именно с известным переселением (выселением) эскимосов из Наукана, только в моём варианте лица всех людей в лодке были обращены назад...

А с Жиринтаном я познакомился, когда он жил уже в Нуямо, в 65-м. Старик почти не говорил по-русски, понимать друг друга нам помогала ма-

ленькая девочка, наверное, его внучка. У меня до сих пор хранится выточенный им пеликеник... Были пеликены, как делали их чукчи, были «аляскинские», как воспроизводил их потом Гемауге, – у меня настоящий эскимосский пеликен из Наукана... В своё время я подробно описал эту загадочную фигурку и всё, что смог узнать о ней, – прибавить тут мне нечего. Кроме разве одного: постепенно начинаешь замечать, что улыбку пеликена, с которой он глядит на тебя, невозможно назвать застывшей, смысл её постоянно меняется. От простодушия и дружелюбия до иронии, удивления, непонимания. В зависимости от того, что ты делаешь и как живёшь ты сам...

P.S. Пока писал эти строки, узнал, что в прошлом году в Москве вышла книга «Чукотка в прошлом и настоящем» (приложение к журналу «Наследие народов Российской Федерации»), там, на стр. 479 приведена, оказывается, такая же фотография, как у меня, с подписью: «Уэленские костерезы в мастерской с искусствоведом А.Л. Горбунковым. Конец 30-х годов». Придётся повторить: это неверно. На фотографии внизу слева – В.М. Леонтьев, и сделана она не ранее середины 40-х.

Что же касается огурца, пахнувшего корюшкой... Это тоже понятно. Всякий приехавший на Север с материка вскоре узнает: в море, вблизи берега, водится небольшая такая рыбка – корюшка. Чем замечательна: будучи только что поймана, отдаёт запахом свежих огурцов. Аромат для русского человека на Чукотке – ностальгический... Когда же снова уезжаешь на материк и начинаешь теперь вспоминать Чукотку... Ну и т.д., стоит ли объяснять? Вот и я здесь со своим воспоминанием – как человек, для которого огурец пахнет корюшкой.

Январь, 2010 г.